

Нар. Библиотека, София.

ХТ. 7. 51

17

Р. м.
5561

86

0

ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

и др. 2111

ВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Н. Исамиева.

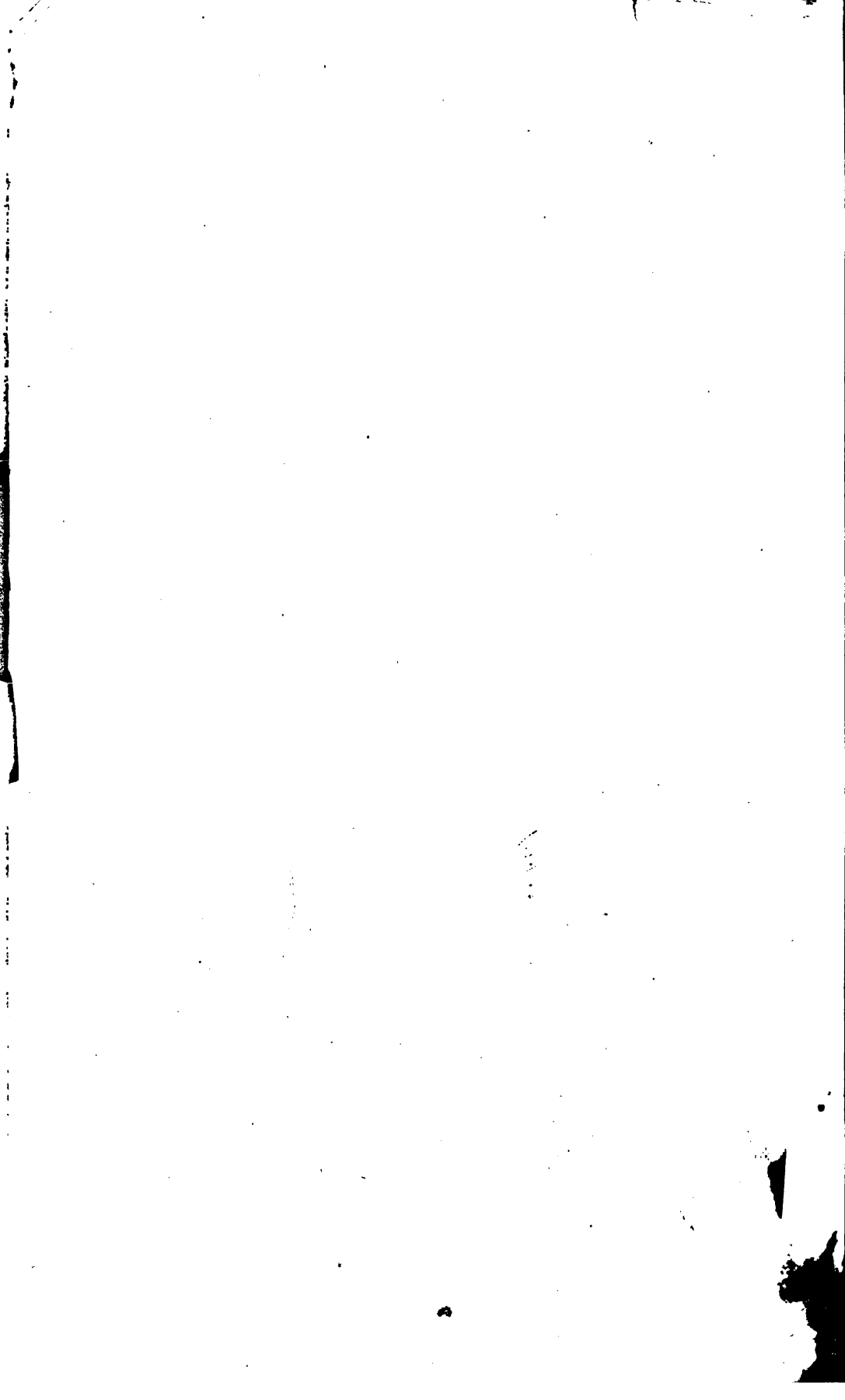
Издание Киевской Археографической Комиссии.

КИЕВЪ.

—
в типографіи Федерова и Миш.
1863.

21 A

Нар. Библиотека, Софiя.

0

ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

Ivanishiev, Nikolai Dmitrievich

ВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Н. Иванничева.

Издание Кiевской Археографической Коммиссiи.

КIЕВЪ.

Въ типографiи Федерова и Мн.
1863.

ЖС
38
.193

0212
22

Разрѣшая печатать: Іюня 20 дня 1868 года. Предсѣдатель Комисіи
Тайный Совѣтникъ М. Юзефовичъ.

34486

Въ послѣднемъ томѣ, изданномъ Кіевскою Археологическою Коммиссіею, заключающемъ акты, служащіе матеріаломъ для исторіи Козачества, ясно подтверждается важное значеніе общиннаго начала во внутреннемъ строѣ Руси въ древнемъ и среднемъ періодѣ ея историческаго существованія. Важное значеніе общиннаго начала и то особенное упорство, съ которымъ отстаивало его народонаселеніе Руси противъ аристократическаго польскаго элемента, давно уже было замѣчено однимъ изъ сотрудниковъ Коммиссіи Н. Д. Иванишевымъ, при разработкѣ, актовъ XV, XVI, и XVII столѣтій. Г. Иванишевъ нашелъ первый слѣды существованія общинно-вѣчевыхъ судовъ въ то позднее время, когда, вопреки естественнымъ инстинктамъ народа, польскій порядокъ вещей подчинилъ себѣ фактически и легально всю Юго-западную Русь и когда мѣстные стихіи народной жизни, умолкнувъ въ чуждомъ ему законодательствѣ, должны были ограничиться сельскими сходками, существовавшими еще долго на основаніи древняго обычая, не смотря на стремленіе шляхты подавить ихъ и уничтожить. Открытіе это подало поводъ Г. Иванишеву

IV

къ составленію статьи о копныхъ судахъ, помѣщенной въ »Русской Бесѣдѣ« за 1857 годъ въ книжкѣ 3-ей подъ заглавіемъ: »о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси«. Такъ какъ эта статья содержитъ важное историческое открытіе и составляетъ какъ бы основаніе взгляда, подтверждающагося постоянно вновь открываемыми документами, то Коммиссія считаетъ полезнымъ, въ интересахъ отечественной науки, напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ, съ новыми дополненіями автора.

Главный Редакторъ
В. Антоновичъ.

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Центрального архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthümer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній югозападной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраній, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла. Открытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ представляетъ важныя затрудненія. Приговоры народныхъ собраній не были выражаемы письмомъ, но сохранялись въ памяти народа. Уже въ позднѣйшія времена, когда судебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты

народныхъ собраній представляемы были въ урядъ, для внесенія въ актовыя книги; но это случилось рѣдко, и при томъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, я открылъ въ нихъ не болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣйшій 1622-го года.

На основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дать возможность наглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Первый изъ этихъ актовъ (1564-го Апрѣля 18-го) замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го Генваря 12-го) даетъ понятіе о томъ неуваженіи, съ какимъ помѣщики и ихъ урядники смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1585-го Генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ преслѣдованія преступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го Августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый актъ (1608-го Маія 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшія болѣею частію изъ крестьянъ, могли требовать на своей судъ не только поселянъ, но и помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го Декабря 9-го) изображается порядокъ уголовнаго

суда: изъ этого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго пыткамъ и казнить преступника смертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуриновское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ ¹⁾.

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній ²⁾. Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ со-

---

¹⁾ См. Прил. II.

²⁾ Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ:

1) Община въ Владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Низненичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербое, Руда и Вохновичи (прилож. V); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская Владимірская, 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Уголье (прил. I.); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).

бирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ, но по прежнѣму принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селеній¹⁾. Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предметъ его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями: Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину²⁾.

---

¹⁾ Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Клечковичи, — въ повѣтъ Владимірскомъ, (книга гродская Владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстечко Рожищи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Дуць, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ — въ повѣтъ Луцкомъ (прилож. III.); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, и селенія: Ранчинъ, Погорѣльцы, Иванъ, Головчичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы — въ повѣтъ Луцкомъ (прилож. IV).

²⁾ Книга гродская Луцкая 1696 года, листъ 237. Иностран-

Селенія, составлявшія общину, назывались *селями окольными*. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядъ, что нѣкоторыя селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: »они издавна съ нами о шкоды вшелякія схоживались«¹⁾

Каждому селенію принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленія, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединеніи древнихъ областей юго-западной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины,

ные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о невѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ сочинитель Географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, жившій прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Воынцахъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу: »Бужане имѣють 231 городъ (civitates)«. Съ достовѣрностію можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ.

¹⁾ Приложение III.

въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простаго стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне¹⁾ мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ²⁾. Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленные, преимущественно военныя повинности³⁾.

Исчисленные нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ⁴⁾; а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское

---

¹⁾ См. прилож. 1. — ²⁾ Книга справъ поточныхъ градскихъ Луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ. — ³⁾ Книга градская Луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

⁴⁾ Статутъ Литовскій 1588-го года, роз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: «на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали». Копы сбираны и отправованы быти мають, яко ся на Руси зоховывало и заховуеть». Но копами, какъ мы объяснимъ въ продолженіи нашего изслѣдованія, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ; слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская община.

и Русское, къ которому принадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хедмская ¹⁾. Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа*, также *громада*, *великая громада*. Совѣщаніе народнаго собранія называлось *въчмъ*: *копа* собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія ²⁾. Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ от-

¹⁾ Starożytna Polska, Balińskiego. T. 2. str. 36.

²⁾ См. приложение I.

крытыхъ нами актовъ (1564 Апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа*, *копа* и *громада*; въ актахъ XVII вѣка слово *копа* исчезаетъ, и употребляется вездѣ слово *громада* 1).

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ гостяную осподость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній 2). *Копа* иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія народному соб-

---

1) Слова: *купа* и *громада* древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библии: «И принесоша десятины отъ телець и овецъ; и десятины отъ козь и посватиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша купы многи. Мѣсяца третяго начаша купамъ *покупати* основанія. И видѣ Езекия и видѣша купы» и проч. (Втор. книг. Паралип. глав. 31, ст. 7—10). «И наметаша *громаду* каменія велику» и проч. (Ис. Нав. глав. 7, ст. 26). Забѣтимъ мимоходомъ, что и слово *община* встрѣчается въ переводѣ Библии: «Душа, еже аще согрѣшитъ и солжетъ другу о вѣданіи или о общинѣ». (Левит. глав. 6, ст. 1—3). Слово *громада*, въ смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: «*Ai ta Beneš Hermanów tamo lud w hromadu zve proti w sasikóm*». Kralodworsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ законѣ Винодольскомъ (1280) народное собраніе называется *купъ* или *вкупъ*: «Скупихесе все на *купъ*»; «Избраше се одъ всакога града старійши на *вкупъ*». Чтенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846-го года № 3-й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется *скупъ*: см. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1856-го года, Апрѣль, стран. 91.

2) Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259.

ранію ⁽¹⁾. На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ 2).

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи*, *сходатаи суераничные*, *сосѣди околичныя*, *сосѣди-суераничники*, *судьи копные*, *муже-ве*, *панове-мужове*, *обче*, то есть, общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, которыхъ мѣтвѣе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности,

¹⁾. Въ той же книгѣ, лист. 274. .); Тамъ же, листъ 297.

она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ городскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ городскія книги ¹⁾. Копы имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду городскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1881 году слѣдствіе о убійствѣ Жидовъ-мытчиковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: »Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда городского, и самъ являюсь въ

---

¹⁾ См. приложение V.

урядъ въ назначенный срокъ.» За тѣмъ копа разо-
шлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла ¹⁾).

Постоянно возрастающая власть помѣщиковъ,
ограничивая общинныя права поселянъ, произвела
важное измѣненіе въ составъ народныхъ собраній,
Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять
свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ по-
мѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя
только по одному депутату; помѣщикъ или помѣ-
щица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ при-
сутствіи священника, производятъ судъ и расправу,
постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго
Статута. Крестьяне, присланные околичными селе-
ніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ ра-
споряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ об-
щинный перестаетъ называться коннымъ судомъ,
и получаетъ названіе сельскаго суда (*sąd wieiski*) ²⁾.

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и со-
ставъ народныхъ собраній, мы представимъ юри-
дическіе обычаи, которыми руководствовалась копа,
при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ воз-
становить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для
этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ
заключаются только судебные обычаи, въ примѣ-
неніи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію
гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображает-
ся судъ о выдраніи пчель изъ бортей, ³⁾ въ одномъ
актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 297—300.

²⁾ См. прилож. VI. Также книга гродская Владимірская 1622
года, лист. 480 Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 638.

³⁾ Прилож. I. Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

и о похищеніи изъ борти меду ¹⁾, одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ вола ²⁾, одно дѣло о поджогѣ ³⁾, два дѣла объ убійствѣ ⁴⁾, одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка ⁵⁾, наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и копань ⁶⁾. На основаніи этихъ актовъ мы разсмотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшеній и ихъ исполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: »водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю;«⁷⁾. Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *копнымъ* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *копнымъ судомъ*. Сходотай говорили: »звычайъ права нашего копнаго«, противопоставляя это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходотай говорили: »копный звычайъ, въ правѣ посполитомъ описанный ⁸⁾.

¹⁾ Прилож. V. ²⁾ Прилож. II. ³⁾ Прилож. III.

⁴⁾ Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Книга справъ поточныхъ Луцкихъ 1590 года, лист. 942.

⁵⁾ Прилож. IV. ⁶⁾ Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

⁷⁾ Смотр. прилож. III; книга гродская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѣ; книга грод. Владимірская 1601 года, лист. 131.

⁸⁾ Книга гродская Луцкая 1569 года лист. 237-й. Здѣсь по-

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истець распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по прѣсѣбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истець могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всемъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ определенное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всемъ околичнымъ селеніямъ ¹⁾. Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ воз-

---

мѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 255.

нымъ, отправлялись въ не явившееся селеніе и звали сходатаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: »невыходъ платить шкоду¹⁾».

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслушать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа ликомъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу.

---

¹⁾ См. прилож. III.

Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатаи проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе непою (освѣтчать коною), и тогда коиа требовала, чтобы проговорившійся сходатаи объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отназывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать *выводъ*, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или предстанивъ доказательства своей невинности. Если отѣты обвиняемаго коиа находила удовлетворительными, то освобождала его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать,

чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткамъ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человекъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткамъ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не додумался, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступле-

ни и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *малъ слѣдъ*. Копы, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копы, остановившись на слѣду, вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копы ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копы, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный

преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвестнаго убитаго человека, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала спрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найдено было трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не известно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что не знаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и раз-

смотрявъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергали его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ двсницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ ступню у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачъ совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *выналзокъ*¹⁾, *жиденъ копное*, *усказанъ* или *всказанъ копное*²⁾. Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ*, *декретъ копный*³⁾. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа за-

¹⁾ Книга гродская, Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

²⁾ См. прилож. I. ³⁾ Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.

боронииа). Незавѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападноя Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ *подняться*, то есть, помирился съ истцомъ и освободиться отъ наказания ¹⁾. Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго ²⁾.

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ въ смертной казни, то приговоръ немедленно

---

¹⁾ Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе туна, отъявленныхъ разбойниковъ; крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поедились и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луцка 1583 года, листъ 274-й.

²⁾ Книга гродская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, приложение VI.

исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному высканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то все сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ коннаго суда¹⁾. Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ наеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, поставивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца²⁾. Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ коннаго суда, сходатаи, приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ городскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнмъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные,

¹⁾ См. прилож. II. ²⁾ См. прилож. V.

не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраний, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противоположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; по этому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности; возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ, въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у вѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ;

вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или слабли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ ¹⁾. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 51); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производитъ также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ

---

1) Въ Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить долѣе поръ, пока не откроемъ большаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

полную систему обычного права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 3, 25; разд. VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копноное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ челоуѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго цѣному было получить годовщину (разд. XI. арт. 31); слѣдствіе и судъ о отравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенные въ первыхъ двухъ Статутахъ¹⁾, подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ,

---

¹⁾ Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.

гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде кошь не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ все околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на расстояніи одной мили¹⁾.

Не смотря на востановленіе Статута Литовскаго, иныя еще мѣсто распространить сельскія народныя собранія въ Югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчьи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соответствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время, — сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изобрѣдателя, какъ развалины древняго, некогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго здания, среди новыхъ построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена, имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховнаго властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣ-

¹⁾ Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2. п. 1.

щиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: «издавна о шкоды вшелякія схоживалися». Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: «издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ»; или: «невыходъ всегда платитъ школу, по стародавнему обычаю»; «копа вела слѣдъ, водле стародавнее звыклости»¹⁾. Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ городскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о

---

¹⁾ См. прилож. III.

поземельной собственности принадлежали уряду или
скому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми
дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ
отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались
опредѣленными писанными законами; поэтому, кон-
ные суды, съ своими древними обычаями, сохра-
нившимися въ памяти сходатаевъ, представляли
странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составляющіе народныя селскія объ-
единенія, находясь въ состояніи жаднаго униженія и
угнетаемыя бѣдностію, теряли способность быть бес-
пристрастными слѣдователями, разумными судьями
и правовѣдами ¹⁾. Отъ этого, при изслѣдованіи пра-
вотуплений, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ
не всегда согласны съ правомъ. Такъ въ копѣ, про-
изводившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи
пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ,
объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара
господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ,
ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По
копному праву, слѣдовало, прежде всего распра-
вить Зенька; но истцы, не слушая приговора конь,
подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и
жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать
мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ
подъ пыткою ²⁾. Униженіе и бѣдность произвели

¹⁾ Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣко-
торыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ
нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Води Рожичской,
Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожича. Возный доно-
силъ уряду, что всѣ эти селенія «зубожонные, дворы покажонные,
погнилые, люди разогнанные, знищеные». Книга гродская Луцкая
1591 года, листы 314—318.

²⁾ См. прилож. I.

правотвенную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчьи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію⁴⁾. Эти же самые крестьяне, собраніе на кону, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ разысканіямъ (Прилож. V) Сходатаи, находясь въ

⁴⁾ Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1557 году (Voll. Legg. 607). Слѣдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-гмъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: »Быль я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевскаго, слугу пана Богдана Омеляновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотинскій спрашивалъ его: »признается ли онъ въ своемъ преступленіи?« и Мишо сказалъ: »я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ меня попуталъ, что я его убилъ«. Панъ Золотинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предмною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: »быль четвертованъ«. (Книга гродская Луцкая 1593 г., листъ 798) г. Въ 1573-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду Кременецкому:

полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣ-
шая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той
свободы мыслей, которая необходима для безпри-
страстнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣтнаго
суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на
копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая
рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ руга-
тельницами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ
собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія ¹⁾. Про-
изводя слѣдствіе и судъ подъ вліаніемъ помѣщи-
ковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія,
не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ,
копа, собирающаяся для изслѣдованія и рѣшенія
дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія
Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло
неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игна-
товъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ,
какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль
чрезъ село отъ сада пана Евстафія Коровая. По-

«Быль я у пана Ласка Сѣкунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Ни-
колая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спра-
шивалъ пана Михаила Ласка: »для чего ты приказалъ безвинно по-
вѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и
братство въ Жолобѣ? «И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ:» кто без-
винно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо запла-
титъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время
моимъ крестьяниномъ.« Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Ми-
хаила Ласка: »по какой причинѣ ты приказалъ замучить на смерть
боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдель-
ника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?« Панъ Ласко
признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лаврино-
вичѣ и Степанѣ сказалъ: »они получили плату по заслугамъ, и я
никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были
крестьяне моихъ селъ«. Книга гродская Луцкая 1573 года, листъ
166 на оборотѣ.

¹⁾ См. прилож. II.

если такого наказания нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ неогн мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не выдадутъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: «Ужъ панъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдѣмъ и не хотимъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы вѣзли чрезъ село хмѣль, отъ сада пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика». Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Герасько Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Герасько Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики утажовали между собою заруку: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ ¹⁾.

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотъ.

Въ сѣдствіе: жалнаго состояніи крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебныя приговоры оставались безсилными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицъ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: «Я на голое слово мужицкое платить не приказываю»¹⁾. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: «Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ»²⁾.

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жи-

¹⁾ См. прилож. II.

²⁾ Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

зни и должно было исчезнуть отъ разширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помещиковъ надъ крестьянами¹⁾.

Н. Иванитевъ.

¹⁾ Представленное мною изслѣдованіе не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ Киевскомъ Центральномъ архивѣ находится такихъ книгъ 6745 и, сверхъ того, 377,307 отдельныхъ актовъ. Подобные же Центральные архивы учреждены въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовыхъ книгъ въ Витебскомъ архивѣ мнѣ не извѣстно. Но самыя древнія акты, начиная съ 1384-го по 1784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ Бернардинскѣмъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячъ томовъ. При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самыя важныя вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало изслѣдовали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичъ и Демьянъ Федцевичъ, въ присутствіи копы, собранной на вѣчь въ дубравѣ, замучили пыткой отца его Степана. Показаніе урядоваго вижа. 1564-го Апрѣля 18.

Року 1564, мѣсяца Апрѣля 18 дня, у волторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, кухарь Его Королевское милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, жаловалъ плачливе а обтежливе на подданного ея милости, княгини Матѣевое Четвертенское, княгини Овдотьи Федоровны Вагановского, найма на Сенка Турецковича, челоуѣка Подлѣскаго, и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милости, князя Василя и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи

I.

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.
Явившись предо мною, Андрѣемъ Ивановичемъ Русинемъ, подстаростою Луцкимъ, поварь Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, съ плачемъ, горько жаловался на Сенька Турецковича, челоуѣка Подлѣскаго, прѣстѣяннина ея милости, княгини Матѣевои Четвертенской, княгини Авдотьи Федоровны, урожденной Вагановской, и на помочника его Демьяна Федцевича, Корсынскаго прѣстѣяннина ихъ милостей, князей Василя и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: Проівилюю осенно, въ истевшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ

тымъ обычаемъ: ижъ дей осени прошлое, року минулого шестьдесятъ третьяго, подраны пчелы ихъ зъ бортей на дуброве, о што дей теперешнихъ часовъ, у ведълю прошлую, мѣсяца Априля шестаго-надцать дня, тыи подданныи вышейменованные, Сенько и Демьянъ, збирали копу, хотечися виноватаго доискати, на которой дей коне были люде Велицкіе, Селецкіе, Подлескіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогоцскіе, Бреховскіе и Угольскіе. Тогда дей, тамъ въ дуброве, на вечю, Сенько а Демьянъ, маючи вазнь на отца моего Степана, безъ жадное вины, кромъ знайдена копного, одно свовольне, пофативши отца моего силою моцью, стали его прутьемъ бити, повѣдаючи: естли дей на немъ чего не домучимо, мы дей то гораздъ заплатимо; чего дей копа имъ забороняла и прочь пошла. А они дей его безвинней, одно зъ вазни а гвѣву своего, прутьемъ били, мордовали, огнемъ палили и тамъ же

году, выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія поименованнымъ выше врестьянамъ, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, въ прошлое воскресенье, Априля шестнадцатаго дня, Сенько и Демьянъ собирали копу, чтобъ доискаться виноватаго. На этой копѣ были люди Велицкіе, Селецкіе, Подлескіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогоцскіе, Бреховскіе, и Угольскіе. Въ означенный выше день, въ дубравѣ, на вѣчѣ, Сенько и Демьянъ, питая вражду къ отцу моему, Степану, безъ всякой съ его стороны вины, не слушая копного приговора, а только по своеволю, насильно схвативъ отца моего, начали его битъ прутьемъ, говоря: «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату». Копна зепрещала имъ это, пошла прочь. А они, безвинно, только по враждѣ и гвѣву своему, били его прутьемъ,

его на смерть замордовали, а ничего ся на немъ не домутили. Яко жъ, на обвоженъе и на огледанье оногo трупy небожчика Степана, отца своего, Васько Степановичъ Велицкій бралъ у меня вижомъ, зъ уряду замку Луцкаго, боярина господарскаго Красносельскаго, Миколая Марковича, который вижъ, тамъ бывши, оттоля прїѣхалъ, и ставши передо мною, въ замку Луцкомъ, до книгъ замковыхъ тыми словами созналъ: Ижъ будучи мне въ Тристени подъ Велицкомъ, у кухаровъ господарскихъ, и маючи при себѣ сторону людей добрыхъ, огледалъ еси трупъ, тѣло небожчика Степана, кухара господарскаго, и видѣлъ еси, што все тѣло збито и окрутне огнемъ попалено. А потомъ, ѣхавши до Велицка, пытали есмо людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сусѣдовъ ихъ, ко-

---

мучили, жгли огнемъ, и тамъ же его на смерть замучили, не домучившись отъ него никакого признанія. Въ слѣдствіе чего. Васько Степановичъ Велицкій, для изслѣдованія дѣла и для осмотра трупa покойнаго Степана, отца своего, бралъ у меня вижомъ, изъ уряда замка Луцкаго, Миколая Марковича Красносельскаго, боярина господарскаго, который, побывавъ на мѣстѣ преступленія, оттуда прїѣхалъ, и, явившись предо мною въ замкъ Луцкомъ, донесъ, для записанія въ замковѣя книги, слѣдующее: »Былъ я въ Тристени подъ Велицкомъ, у поваровъ господарскихъ, и, вмѣстѣ съ сторонними добрыми людьми, осматривалъ трупъ, тѣло покойнаго Степана, повара господарскаго, и видѣлъ, что все тѣло избито и пожжено огнемъ, А потомъ отправившись въ Велицкъ, спрашивали мы людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сосѣдей ихъ, которые на томъ вѣчѣ были, спрашивали также и сельчанѣ: »По каковой причинѣ Сенъко и Демьянъ избиты, измучили

торые на томъ вечно были, такъ тежъ и сельчанъ: для чего тотъ истый Сенько и Демьянъ оного Степана, кухара господарскаго, збили, змордовали на смерть замучили: естли же за усказаньемъ, або зъ знайденья копного, чили пакъ свовольне то вчини-ли? Тогда люде Велицкіе, подданные нана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, тикъ тежъ и сельчане, одно-стальными словы повѣдили: Ижъ копа оного Степана, кухара господарскаго, Сеньку и Демьяну на жадную муку не всказовала; бо дей онъ давалъ на то выводъ, ижъ у мельницы, меду пресного пчоль своихъ, отбежныхъ сее весны, выбравши, мѣщанину Мельницкому Занкови за шестнадцать грошей продалъ, якожъ дей и слатися до того мѣщанина Мельницкого хотѣлъ. А они дей, не посылаючи ся тамъ, ани припускаючися на выводъ его, одно

и на смерть замучили Степана, повара господарскаго: по приказанію ли и приговору копы, или своевольно? Люди Велицкіе, крестьяне пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, а также и сельчане единогласно показали: »Копа не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарскаго, Степана, ни на какую муку, потому что Степанъ давалъ выводъ, утверждая, что онъ, выбравъ пресный медъ у мельницы, оставшійся отъ пчель, улетѣвшихъ нынѣшнею весною, продалъ этотъ медъ мѣщанину Мельницкому Занку, за шестнадцать грошей; при чемъ, Степанъ хотѣлъ снестись съ тѣмъ мѣщаниномъ Мельницкимъ. Но Сенько и Демьянъ, не сносясь съ мѣщаниномъ Мельницкимъ, и отвергая оправдательный доводъ обвиняемаго, своевольно, безъ личнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа Подрезская имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала«. Засвидѣтельствовавъ

свовольне, его безъ лица и кромъ права, поймавши, стали быти и мучити, чего дей имъ и Подрезская копа заборопяла и не допусчала. Што Васько Степановичъ, сынъ небожчиковъ, мною, вижемъ врьдовымъ, освѣтчивши, а оттоля до дому пріѣхавши, оный трупъ, тѣло отца своего, поховати далъ. И, хотечи Васько Степановичъ о то мовити, просилъ, абы было записано. А такъ я тую жалобу, оповѣданье его, и вижово сознание въ книги замковые записати казалъ.

это показаніе мною, вижомъ урядовымъ, и пріѣхавъ домой, Васько Степановичъ, сынъ покойнаго Степана, велѣлъ похоронить трупъ отца своего. Имѣя намѣреніе начать объ этомъ искъ, Васько Степановичъ просилъ, чтобы означенное выше показаніе было записано; поэтому я, какъ жалобу истца, такъ его показаніе и донесеніе вижа, приказалъ записать въ замковыя книги.

(Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).

II.

Копный судъ о покражѣ вола. 1570, генваря 12.

Року 1570, мѣсяца Генваря 12 дня.

Ставши очевисто въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Яско Опарипескій, оповѣдилъ и до книгъ гродскихъ тыми словы созналъ: Ижъ дей, будучи мне зъ уряду приданымъ на справы ее

II.

1570 года, мѣсяца Генваря, 12 дня.

Явившись лично въ замкъ Луцкомъ, предо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростою Луцкимъ, возный повѣта Луцкаго Яско Опарипескій, объявилъ для записанія въ книги гродскія, созналъ нижеслѣдующее: «Быль я отряженъ урядомъ, по вѣлу ея милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской,

милости пани Иванови Хребтовича Богуринское, паней Любце Дчусанце, и сыномъ ее милости, будучи мнѣ въ Богурине, повела ее милость, пани Богуринская, ижъ дей року прошлаго шестьдесятъ девятого, у великѣй постъ, украдено у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, вола зъ обору, и онъ дей о того вола, водлугъ обычаю, собравши копу все село Богуринское: люди съ части пани Висилевое Хребтовичовое, люди мои и люди съ части пани Петровое Хребтовичовое, опытъ чинидъ обычаемъ копнымъ. Врядникъ дей паней Петровое, Нестеръ, не выслушавши обыску того боярина моего Томила и почаль говорити, перекаживаючи ему рѣчь, на першой копе, не заховаючися ведлугъ обычаю копного, и прочъ самъ пошелъ, и подданныхъ созвалъ съ копы. Копа дей, не чинечи коротько, сказала дей боярину моему еще

паньи Любки Дчусанки, и сыновей ея милости. И когда я былъ въ Богуринѣ, то ея милость, пани Богуринская, объявила мнѣ: «Въ прошломъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году, въ великѣй постъ, украденъ вола изъ хлѣва, у боярина моего Богуринскаго, Томила Гаркевича, который, слѣдуя обычаю, собралъ на копу все село Богуринское: людей изъ участка паньи Васильевой Хребтовичевой, моихъ людей, также людей изъ участка паньи Петровой Хребтовичевой, и производилъ распросъ копнымъ обычаемъ. На первой копѣ урядникъ ея милости, паньи Петровой, Несторъ, не выслушавъ розыска, произведеннаго бояриномъ моимъ Томиломъ, началъ говорить, перебивая его рѣчи, нарушая обычай коннаго права. За тѣмъ, не выслушавъ распроса, обругалъ моего боярина и пошелъ прочъ, созвавъ и крестьянъ съ копы. Копа, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще разъ собрать копу. Бо-

копу збирати. Тотъ дѣй бояринъ мой собралъ и другую копу, село наше спольное, вси люди съ части пани Петровой и люди съ части пани Василевой, а къ тому и стороннихъ людей, то есть зъ Новоставецъ, зыменя пана Подскарбега, подданного его милости, Осипа Семеновича, а подданного князя Ярославовича, съ Прусь, Томила Микитича, а врядника пана Михаила Вильгорского Симоновского Кондрата, которыи, вжо будучи на копе другой, ждали часъ немалый врядника паней Петровой, ажъ по него посылали, абы на копу пришлоъ. И кгда вжо онъ на копу пришлоъ съ подданными паней своей, почаль дѣй на первой, обачивши стороннихъ людей, пытати, чога бы на копу пришли, хто бы ихъ послалъ? И тые люди стороннии повелили, ижъ дѣй за прозьбою боярина ее милости, паней Богу-

---

ринъ мой собралъ и другую копу, на которой было все наше общее село, всѣ люди изъ участка паньи Петровой и люди изъ участка паньи Васильевой, а также сторонние люди, а именно: изъ имѣнія его милости, пана подскарбія, Новоставецъ, крестьянинъ Осипъ Семеновичъ, изъ Прусь—крестьянинъ князя Ярославовича, Томило Микитичъ, и Симоновскій урядникъ пана Михаила Вильгорскаго, Кондратъ. Эти люди, уже собравшись на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровой, и принуждены были послать за нимъ, чтобы на копу пришлоъ. И когда онъ пришлоъ на копу съ крестьянами своей паньи и увидѣлъ стороннихъ людей, то, прежде всего, началъ спрашивать, зачѣмъ они на копу пришли, и кто ихъ послалъ? И тѣ люди сторонние, сказали, что они посланы урядниками пановъ своихъ, по просьбѣ боярина ея милости, паньи Богуринской. Тогда урядникъ паньи Петровой, Несторъ, началъ говорить: «найду де я виноватаго; напрасно мы здѣсь тратимъ

ринское, отъ врядниковъ пановъ своихъ есмо тутъ послани. Врядникъ тежъ паней Петровой, Нестерь почаль говорити: »изнайду дей я виноватаго, напрасно ея тутъ бавимо«. А кгда то вымовиль, бояринъ дей мой Богуринскій, Томило почаль тые слова его коною освѣдчати: «Што дей я вжо повиненъ искати, нехай дей ищеть, коли такъ говорить.» И копа, то все обачивши, почали врядника паней Петровой пытати, если бы онъ ведалъ о томъ, хто того вола вкралъ, ижъ его обецалъ се знаидовати, абы того злодѣя на той копе объявилъ, если бы на той же копе былъ, або гдѣ инде, абы, водлугъ повести своеи, поведиль; бо дей где его: твоя милость не знаймишь, якосъ самъ мовиль, уже дей тотъ бояринъ ее милости панее Багуринское не повиненъ опыту большъ чинити. Але гдѣй дей твоя милость того злодея, водлугъ повести своее, не ознаймишь, то дей твоя милость того вола ему заплатити мусишь. Врядникъ дей паней

время«. Какъ только онъ это сказалъ, тотчасъ бояринъ мой Богуринскій, Томило, началъ свидѣтельствовать эти слова копою, говоря: »Я уже больше не повиненъ искать виноватаго: пусть онъ ищеть, когда такъ говорить«. Копа, все это увидѣвши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знаетъ ли онъ, кто вола укралъ? »Такъ какъ твоя милость обѣщаль найти виноватаго, то долженъ объявить вора на этой же копѣ, и, согласно своему обѣщанію, сказать: находится ли онъ здѣсь на копѣ, или гдѣ индѣ? Потому что, если твоя милость не объявишь вора, какъ ты самъ обѣщаль, то бояринъ пани Богуринской уже не повиненъ будетъ производить распросъ, а твоя милость долженъ будешь заплатить за уведеннаго вола«. Видя это, урядникъ пани Петровой, началъ увертываться иными словами, и объявилъ, что онъ ни искать, ни объявлять вора не хочетъ. Копа, выслушавъ это, отложила дѣло до трестей

Петровой, видечи то, почаль се съ того иными словы выламовати, ижъ того виноватаго яко самъ знайдовати, такъ тежъ и объявити не хотелъ. Копа, тому ся прислухавши, и отложила до третей копы, которая гды ся зобрала, бояринъ мой Богуриновскій, не отступуючи ничого того, што на другой копе было, просилъ копы, абы ему на томъ вряднику паней Петровой, Нестору, во млугъ словъ его было сказано, съ чого ся врядникъ се милости только упоромъ выламовалъ, не хотечи виноватаго знайдовати, яко самъ мовилъ, ани объявити. Копа то слышачи, всказали того вола, на вряднику паней Петровой, Нестору, боярину моему, за слушьнымъ доводомъ, што за того вола давано, две копы грошей Литовскихъ, и рокъ заплате положили за чотыры недели. За прозьбою моею тая копа и люди стороннии передъ панею Петровою

копы. И когда собралась третья копа, то бояринъ мой Богуриновскій, не отступая ни въ чемъ отъ производства дѣла, бывшаго на второй копѣ, просилъ копу присудить урядника паньи Петровой, Нестора къ уплатѣ за украденнаго вола; такъ какъ этотъ урядникъ только по одному упорству, противясь требованію копы, не хотѣлъ ни объявить, ни отыскивать виноватаго. Копа, слыша это, приговорила взысвать съ урядника паньи Петровой, Нестора, за украденнаго вола, въ пользу моего боярина, назначивъ такую цѣну, какую, по законному удовольренію, давали за того вола покупщики, именно двѣ копы грошей Литовскихъ; срокъ платежа назначенъ по истеченіи четырехъ недѣль. По просьбѣ моей, копа и люди сторонние совнали свой судъ предъ паньею Петровою. Я и сама отъ себя послала, по этому дѣлу, къ паньи Петровой, прося, чтобы она приказала своему уряднику заплатить моему боярину, за

судъ свой сознали. За што я сама, просечи, послала до паней Петровой, абы того вола вриднику своему боярину моему казала заплатити. Ее милость отказала: »ижъ дей я на голое слово мужицкое вриднику своему за того вола платити не кажу.« Гдежъ тая копа и сторона, передо мною вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, то сознали: Яко копа была, што на ней будучи, межи тымъ урядникомъ паней Петровое и бояриномъ паней Богуринское точилося, и яко передъ пани Петровою копа и сторона визнавали, и пани Петровая прошна отъ пани Богуринское, абы то на рокъ пани Петровая вриднику своему казала то заплатити, и што пани Петровая отказала, то мнѣ повѣдили.« И пресиля ее милость пани Богуринская, веснолокъ зъ сынами своими, абы то было записано. А такъ я тое очевистое возного сознание до книгъ гродскихъ записати казаль.

украденнаго вола. Ея милость, панья Петровая, отвѣчала: »Я де, на голое мужицкое слово, уряднику своему, за того вола, платити не приказываю«. Тамъ же вышеозначенная копа и люди сторонніе сдѣлали предо мною, вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, показаніе о томъ, какъ собиралась копа, что происходило на этой копѣ между урядникомъ паньи Петровой и бояриномъ пани Богуринской, какъ предъ панькою Петровою, копа и люди сторонніе объявляли свой приговоръ, и какъ пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатить за украденнаго вола, въ назначенный срокъ, и что отвѣчала на это пани Петровая; все это мнѣ рассказали. И просила ея милость, пани Богуринская, вмѣстѣ съ сыновьями своими, чтобы это было записано. По этому я вышеизложенное личное донесение вознаго приказаль записать въ гродскія книги.

(Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

III.

Копный судъ о поджогахъ. Копна вѣдены слѣды. Рѣшение
копнаго суда: 1883, Генваря 2.

Рокъ 1883, мѣсяца Генваря 2 дня.

Ставши предо мною Фалеевъ Бережецкимъ,
на тотъ часъ будучимъ на мѣстѣ пана Станислава
Петровскаго, подстаростего Луцкого, въ замку го-
сподарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матусъ Хор-
ковскій жаловалъ и оповедалъ тыми словы: Што
жъ дей суседове мое, близко суграничники, зымена
Рожницъ люде, на слѣдъ шкодника моего выйти не-
хотели; а мне дей великіе кривды и шкоды немалыя,
отъ ихъ стороны, починилися, а шкодника дей сво-
его между ними ведати не могу, хде ся переховы-
ваетъ, а они дей его выявити и на слѣдъ выходити
не хочуть. Авже дей ми то не поднокротъ зъ сто-

III.

1883 года, мѣсяца Генваря, 2 дни.

Предо мною Фалеевъ Бережецкимъ, исправляющимъ
временно должность пана Станислава Петровскаго, подстаро-
сти Луцкаго, явившись въ замкъ господарскомъ Луцкомъ,
Шляхетный Матусъ Хорковскій, жаловался, объявляя свою
жалобу слѣдующими словами: »Сосѣди мои близкіе, погранич-
ные люде въ зыменѣ Рожницъ, не хотѣли выйти на слѣдъ моего
шкодника, а мнѣ, съ ихъ стороны, нанесены великія обиды и
причиненъ вредъ немалый, а шкодника своего между ними въ-
дѣти не могу, и не знаю, гдѣ онъ скрывается, а онъ открытъ
его и на слѣдъ выйти не хотѣть. И уже мнѣ не первый разъ
съ ихъ стороны, причиняется вредъ, неизвѣстно кѣмъ: згутъ
и опустошаютъ все мое имущество и имущество мое, само Коб-
че, данное мнѣ для прокормленія моего, вельможное имущество;

роны ихъ, нетъ ведома отъ кого, шкода такая ми
ся ставаетъ, штожь маетность мою всю и имене-
чко мое, село Кобче, которое еси имъ на выхо-
ване отъ его велможное милости, княжати Марка
Сокольского, пана моего милостивого, тое ми па-
лять и пустошатъ, не ведаю хто таковой. И теми
часы, недавно прошлыми, въ року тысяча пять сотъ
осмдесятъ второмъ, мѣсяца Ноября двадцатпятаго
дня, зъ недѣли на понеделокъ, оттоль же ночью,
праве у первоспы, злодѣйскимъ обычаемъ подышед-
ши, уже то пятый кротъ, и будуване тежь пятое
спалено, которого будованя жаднымъ обычаемъ убо-
ронити ани маетности дей своее выратовати еси
не могъ; гдыжь, презъ того злого шкодника дей и
презъ неднокротное палене его и пустошене села и
маетности моее, великіе дей шкоды маю и поношу,
большей вижди на чотыриста копъ грошей Литов-

III

княземъ Маркомъ Сокольскимъ, паномъ моимъ милостивымъ;
это имѣніе жгутъ и опустошаютъ, а виноватаго я не вѣдаю.
И теперь, въ недавнее время, въ тысяча пять сотъ осмдесятъ
второмъ году, мѣсяца Ноября двадцатпятаго дня, съ недѣли
на понедѣльникъ, ночью, ровно во время первого сна, что-то,
подошедши воровскимъ обычаемъ, уже / въ пятый разъ тежь
пятое строеніе. Этого строенія я никакимъ способомъ защитить
и имѣнія своего спасти не могъ. Такою неоднократно поди-
зкою и опустошеніемъ села, имущества моего причинены мною
шкодникомъ моимъ, великіе убытки, болве чѣмъ на чотырести
копъ грошей Литовскихъ. Чтобъ отыскать шкодника, я, въ по-
недѣльникъ утромъ, обратъ людей добрыхъ, сосѣдей околеч-
ныхъ, смѣжныхъ, сходатаевъ Рожницкихъ, ивъ всѣхъ сель, князе
печменованныхъ, изъ Любна, изъ Рудки, изъ Козина, изъ Става-
ць, Соловина, изъ Дуца, изъ Намора, изъ Овома, изъ Смер-

свнхъ. За которыми дѣй школьникъ явилъ, равно въ помѣлокъ, зобравши дѣй есмь людей добрыхъ суседовъ околицныхъ, а еходатаювъ Рожнецкихъ сусраничнхъ, во вѣхъ селы, тыхъ меновите помѣкныхъ: зъ Добча, зъ Рудка, зъ Коанна, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуца, зъ Цанова, зъ Соколя, зъ Смердина; къ тому тежъ людей стороннихъ: зъ Сува, зъ Волоковщина, зъ Носачевичъ, зъ Лукова, зъ тою, всюю копою, смидь погналь, который следъ ни чѣй иншій, только школьника дѣй моего. Отъ тое пожеждь копа, взяли зъ села моего Кобча следъ, отвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожнецкнй, недалеко одного селца и урочища мнѣ Свинохъ, тамъ гдѣ чебелы мешнають. Тамъ же дѣй коня вся, на томъ слѣду востановльншеся, и послала до того селца ихъ, зовучи на смидь, абы они шли. Они дѣй шлыги не хотели. А тамъ дѣй ко-

пана; сверхъ того людей стороннихъ: изъ Сува, изъ Волоковщины, изъ Носачевичъ, изъ Лукова. Со всюю этою копою, я погналь слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего школьника. Копя, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его, изъ моего села Кобча, до границы земли Рожнецкой, недалеко отъ селца и урочища Свинохъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановившись тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожнецкое селце Свиножи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они вышлыше хотѣли. По этому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переневая на слѣду, во вторникъ утромъ, снова послала отъ себя добрыхъ стороннихъ людей, ко всѣмъ селамъ Рожнецовнмъ, какъ въ своимъ скодатаймъ въ село Свиножн, Топольное, въ село Старое Рожнице, въ Волю Рожницкую и Пожарки, приглашая на кону, и требуя, чтобъ жители изъ селца Свиножъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ селъ

иначе чинили и въ томъ кородкости права, пере-
почевали дѣла на слѣду, рано волторокъ, послали съ
копы конову до волхъ сель Рожницскихъ, что до
скадатынъ евоихъ, людей добрыхъ стороннихъ:
дѣя Свиньчаири до Топольнаго, такъ тежъ до села
Старого Рожница и до Воли Рожницкое, и Пожар-
новъ, свидѣиши имъ на копу, и о томъ, абы Свинь-
чѣе, где себѣ живуть, съ того села люди, такъ
тежъ во волхъ сель Рожницкихъ, вышедши на грунтъ,
свой Рожницкй, отъ границы следъ шкодниковъ,
отъ всея копы тое, взяли, а въ грунтъ своего Ро-
жницкаго, подлѣ стародавнее свѣдѣти, ажъ до
лишней границы, вывели. То какъ дѣлтые все село
Рожницкое, слышь помещикѣ звыску того слухати,
аки на копу выйти в слѣду того взяти выводити
вѣхотали. Штожь дѣя копа въ томъ имъ еще была
комыгу, учинила, послала съ копы человека доброго,

Рожницкихъ, вышли на свою Рожницкую землю, взяли бы на
границѣ этой земли, отъ всея копы, следъ шкодника, и вы-
вели бы этотъ следъ въ своей земли Рожницкой до иной гра-
ницы, по стародавнему обычаю. Но все вышеозначенные селы
Рожницкія ни слушать пова, ни выйти на копу, ни вать и
отвѣстѣ следъ не хотѣли. Копа оказала имъ свидѣніе твое,
что еще разъ послала отъ себя добраго человека, въ уряд-
нику Рожницкому Степану Калениковому, треба, чтобы Ро-
жницкіе крестьяне его милости, пана владимйа Луцкаго, вышли
на копу, созванную со стороны пана Сокальскаго: потому что
никогда никому не мила, при томъ же, издавна между нами оти-
мляють преступниа нитѣмъ инымъ, какъ только коною. По-
этому, Рожницко, будучи издавна нашими скодатыми, если бы
на копу не вышши, все или одно изъ нихъ сель, то всея пре-
чужденно преступниама среди падеть на волхъ. Но градникъ

до праздника Рождинского, вайма до Степана Казени-
ковича, ознаймуючи ему о томъ, абы помадые, ево
милюстя, пана, владыки Луцкого, Рождинские на ту
копу, отъ стороны Сокольские созваную, сыйшли;
бо дей, шкода лшкому не мала, гды жъ дей, задня
можя, нами шкодника ничимъ, одно коцою доходятъ;
гдыжъ дей оне, яко сходатае наши задня будучи,
вде быя по вышши, хотя бы одно село не стало на
кони, тогда дей и къ тому шкода тая приложена
отъ кони будеть. А такъ дей вридеши тотъ самъ
того слухати, такъ тежъ подданыи ознаимети того
не хотеть. Гдыжъ амъ кода вновь, чрезъ свое по-
сланцы, третій разъ, звестила, абы вышши на ко-
пу; кони подобно дей чуючи между собою шкод-
ника моего, и на тотъ заказъ ничего не абачи, я
на дову выйти, и о себе справы никако дати не хо-
тели. Вадечи, то копа упоръ, икъ великй, тогда,

Рождинский не хотель ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ
крестьянамъ. Копя снова, въ третій разъ, требовала чрезъ
своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь,
ввроятно, что между ними находится преступникъ, не уважили
и этого повза, на копу выйти и отвѣта о себѣ дати не хотѣли.
Копя, вида такое великое упорство ихъ, тотъ же часъ, стоя на
томъ же слѣду, послала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ воз-
нымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѣ села Рождин-
скихъ, за ихъ невыходъ, въ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причинен-
ныхъ мнѣ преступникомъ. За тѣмъ, болѣе десяти человекъ
изъ кони, явившись въ урядъ замка господарскаго Луцкаго,
въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѣдую-
щими словами: «Мы, вмѣстѣ съ вознымъ и сторонними людьми,
прислани въ урядъ Луцкй, отъ кони, отъ всей нашей великой
громады, для вышанья и обявления суды своего конника, а

напугуи жаскѣдудѣтѣни; невоинного соборно: вряду
поселани, а съ тѣми вознымъ и зѣ жидымъ сторона-
вѣми; таи Чюна въ сѣншкѣды мѣс. на вѣс села Чир-
жницкѣе, За Чивыходѣ пѣчъ вѣд жидымъ. А тамъ съ тѣе
кѣпѣ, чѣловека въ колько дѣсятъ; поѣтановивъ шисѣ на
врядѣ въ замку гѣсподарскѣмъ Луцкѣмъ; чѣгомъ
дня и датѣ вышѣ описанѣе, повидали тѣми словы:
илъ дѣи мы, отъ вѣе громады пѣшѣе величѣе, до
вряду Луцкѣго, на мѣзанѣе и на отказованѣе чѣду
сѣбѣго кѣпѣго зѣ вознымъ и стороной приселани
сѣмѣо бѣрѣ кѣпѣ, то естѣ мѣновитѣ: Лукѣина зѣ На-
воза; пана Анѣдрия Загоровскѣго подданый; съ то-
гѣжѣ Пѣвѣза Сивулаша, князя Марка Сокольскѣго
подданый; Гриць зѣ Смерѣдина, пана Шасногѣ,
Харлинскѣго, подѣкоморогѣ Киевскѣго, подданый;
съ тогѣжѣ Смерѣдина Ивана князя Сокольскѣго под-
даный; съ Душа Моисѣи а Трута; а зѣ Сокольна

именно: Лукѣанъ, крестьянинъ пана Андрея Загоровскѣго изъ
Навоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскѣго, изъ
того же Навоза, Гриць, крестьянинъ пана Шасногѣ, Харлин-
скѣго, подѣкоморѣя, Киевскѣго, изъ Смерѣдина, изъ того же Смер-
дина, Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскѣго, изъ Душа, Моисѣ-
ей и Трутъ, а изъ Сокольна Кудъ и Ивашко, крестьяне то-
го же пана Сокольскѣго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ кня-
зя, Григорѣя Любецкѣго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило,
изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же
князя, Любецкѣго, изъ Любча Онисъко, и Кондрать изъ Рудки
Кунць изъ Става, Исая изъ Соловина, крестьяне, ея милости,
пани Николаевѣй Харлинскѣй, изъ Любча Янъ Дяхъ, крестья-
нинъ князя, Григорѣя Коширскѣго; цриможъ стороннѣе людѣ:
изъ Лукава Прохонъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана
Андрея Загоровскѣго, изъ Судѣе Юрко Романчицъ, изъ Носѣ-

Куца (а Игнатия; торгожь князя Марья Сокольского
подданые; зъ Любча Нестера; князя Григорья Мюм
Бецкого подданный; зъ Рудки Фени; князь Ковчин
Давыд; зъ Ставу Симона; зъ Соуденна Ниртешат
торгожь князя Любецкого подданые; зъ Любча Оми
ста; Кондрата; зъ Рудки; Кунца; зъ Ставу; Шейд; зъ
Соловика; ев милости князе Минюинное Карлинское
подданые; зъ Любча Яна Лаха; князя Григорья Кош
ницкого подданный; При томъ егероцяхъ / людей
зъ Мунова Шрекопа; зъ Минька; Юдавокича; князя Ам
дроя Загородского подданые; зъ Оуекан Юска; Но
манъовча; зъ Носичевичи Артина; князя Шенское
Карлинское подданые; зъ Володкыщизны Остара;
князя Вардья Сокольского подданые; Штожр; кня
зьоваемъ отъ всеи копы; пять дельныхъ сель; ко
пикъ званъ помещельхъ; давана; ко днъды; Шенско
ике; зъ Рожищани; на правду; а бо где волости

челыч; Антени; крестьяне князя Шенского Карлинского; зъ Во
лодковичи; Остагъ; крестьянинъ князя Василья Сокольского
Всё; мы; посланцы; объявляемъ; отъ всеи копы; что; вышеска
менованныя села; издавна; сходились; съ Рожищанами; для; не
студования; всякаго; вреда; причиненнаго; преступникомъ; на
границь; или; гдѣ; бы; ты; быть; причиненъ; вредъ; а; теперь; ни
одинъ; изъ; нихъ; для; изобловниа; вреда; причиненнаго; собуду
нашему; князю; Хорковскому; ни; выйти; на; следъ; изобловниа; ни
дать; то; себѣ; надлежащаго; евдвниа; не; хо; бль; А; такъ; какъ;
по; нашему; войскову; праву; он; выходъ; всегда; платитъ; за; вредъ;
понеенный; истцомъ; то; поэтому; вся; копа; поступалъ; по; кон
ному; праву; и; стародавнему; обычаю; своему; присудила; все
убытки; истца; взыскать; съ; сель; Рожищскихъ; за; ихъ; пеходъ;
Вследствие; чего; копа; въ; присутствіи; вознаго; и; стороннихъ
людей; подвергла; взысканію; все; села; Рожищскія; за; ихъ; не

школе, тамъ) скончался. дички, а тебѣ до насъ не динь о школьнѣ судьбѣ даного, пана Хорьковского, на кажда школьника его, ни одинъ въ нихъ выжить, тамъ тебѣ о себе справы олучше, дати не хотели. А какъ дѣй, вдале, права нашего конного, невыходъ всегда влугити школы, выдѣжъ копа вся, законучиса волье, права конного и званаго стародавнего своде, шкору туо, ко всемъ ооломъ Рожницкимъ, за невыходъ ихъ, предложила, и, маточи дѣй предъ себе новного и сторону, туо шкору, но вонимъ жедимъ Рожницкимъ, за невыходъ ихъ, предложила, оумовавши, а вдалугъ: манована школьного, да шкору его доведъ ему вѣдѣла. Што менечи себе школьный тамъ, какъ чотыршета копъ грошей Литовскихъ; а тамъ же, на радъ нами капоу воста, парадъ вонимъ и свареноучесть. Матысь Хорьковский саметреть доводъ уличить, а мы тебѣ ему шкору, сло присумили на всѣмъ

выходъ, оцѣнить убытки согласно съ показаніемъ купца, который, по опредѣленію коню, долженъ былъ подтвердитъ свое показаніе, присягою. Истець, панъ Матысь Хорьковский, оцѣнилъ, донесенные имъ убытки въ чотыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамже, предъ нами, предъ всею коню, въ присутствіи вознаго и сторонникъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое доказаніе присягою. А мы присудили ему вышелезаніе на всѣхъ селахъ Рожницкихъ, съ тѣмъ, чтобы эти села, уде дворьятъ пана Хорьковского, искали себѣ виноватаго. Въ слѣдъ за тѣмъ, возный, повета Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѣсь же въ замѣтъ господарскатъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги городскія Луцкія, слѣдующее: «Будучи отраженъ урядомъ на вышепоманутую коню, присутствовалъ я, вмѣстѣ съ двумя шдяхтичами, панами Яномъ Несебендикимъ и паномъ Матысомъ

селахъ Рожицскихъ, абы они, заплативши тую шкоду пану Хорковскому, а себе винного искали. Гдыжъ возный повету Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, постановившися обличыне передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожь дня, тымижъ словы до книгъ городскихъ Луцкихъ ку записованью созналъ. Штожь дей я, будучи зъ уряду приданнымъ до копы тоее и маючи дей я при себе двухъ шляхтичовъ: пана Яна Несебенцького а пана Матыса Выгоновского, при томъ людей добрыхъ сторонныхъ звышьпомененыхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана Матыса Хорьковского зобрана, на слѣду шкодника его, у границы, на грунте Рожицскомъ, року осемдесятъ второго, мѣсяца Ноября двадцать осмого дня, тамъ же на тотъ часъ видѣлъ есмь слѣдъ и ступы человѣчье къ сельцу Рожицскому, где чебани мешкають, идучи на который слѣдъ зъ Рожицкое стороны, гды громада кликала и пытала,

---

Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми, на копѣ, великой громадѣ, которая была собрана паномъ Матысомъ Хорковскимъ, на слѣду шкодника его, у границы на землѣ Рожицской, въ тысяча пять сотъ осемдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѣлъ я слѣдъ и ступы человѣчїя по дорогѣ къ сельцу Рожицскому, гдѣ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѣду до земли Рожицской, кликала и вызывала Рожищанъ; но ни одинъ человѣкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѣда. Копя засвидѣтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. За тѣмъ я осматривалъ вредъ, причиненный пану Хорковскому въ имѣнии его Кобчемъ и видѣлъ пять домовъ, сожженныхъ со всеми прина-

а жаденъ чловѣкъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узати не озвался. Што дей копа мною вознымъ и стороною освѣтчила невыходъ ихъ; а шкоду пана Хорьковского, тамъ же на тотъ часъ будучи выменечку его Кобчи, видилъ есми домовъ пять зо всею оселею попаленыхъ, а три хать тутошнихъ. А такъ тую шкоду копа вся, при томъ возномъ и стороне тамъ осумовала; при которой шкоди его, копа ему самотретему доводъ учинить всказала, што себе онъ шкоды четыриста копъ грошей Литовскихъ менячи быть. Панъ Хорьковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожь дей то, за доводомъ его слупнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненымъ, копа вся приложила шкоду его ко всемъ селумъ Рожицскимъ, за невыходъ ихъ, и всказала тую суму пану Матысу Хорьковскому, за шкоды его, на нихъ, абы дей они, тое заплативши, а себе винъного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа вся, чрезъ

длежащими, и три тамошнія хаты. Копа, оцѣнивъ весь этотъ вредъ, при мнѣ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѣлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѣнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорьковскій, оцѣнивая свои убытки въ четыреста копъ грошей, подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства, согласно артикулу шестому въ раздѣлѣ чотырнадцатомъ Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ, причиненный преступникомъ, со всѣхъ селъ Рожицскихъ, за ихъ невыходъ, и вышеозначенную суму присудила пану Матысу Хорьковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане, уплативъ эту сумму, искали себѣ виноватаго. Такой судъ копный объявила мнѣ уряду вся копа, чрезъ вознаго и поименованныхъ выше стороннихъ людей,

возного повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышшпомененую, мнѣ уряду объявила и половицу пересуду дала. Штожь я, не отступуючи права посполитого и статуту Великого князства Литовскаго, сложилъ есми рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, подлугъ артикулу пятьдесятъдевятого въ разделе четвъртьтомъ, на каждую сто копъ двенадцать недель. А такъ плачонъ быти маеть, почонъши отъ сего дня, мѣсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдесять третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хорьковьского и возного сознане, такъ тежь объященье, черезъ сторону, суду ихъ кошного, которая притомъ была, и рокъ заплате, отъ уряду положоный, до книгъ гродьскихъ Луцкихъ записати есми казалъ.

давъ половину пересуда. Въ слѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго, статута Великаго Княжества Литовскаго назначивъ срокъ для уплаты четырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла четвертаго, то есть, на каждые сто копъ, двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, осемдесять третьяго года. За тѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго, донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о кошномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взыскаія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

(Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76—79).

IV.

Опытъ и распросъ громады о найденномъ въ городѣ Дубнѣ трупѣ неизвѣстнаго убитаго челоуька. Донесеніе вознаго. 1596 Августа 5.

Року тысяча пять сотъ девятьдесять шостого, мѣсяца Августа, пятого дня.

Пришедши на врьдъ замку его королевское милости Луцкаго, передъ мене Александра Сѣмашка на Хупнове, Кашталяна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожоный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, урядникъ Дубенскій княжати его милости, пана воеводы Кіевскаго, оповедалъ тыми словы: »ижь дей въ року теперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣлокъ рано, праве на свѣтанью, въ мѣстѣ Ду-

---

IV.

Тысяча пятьсотъ девяносто шестаго года, мѣсяца Августа, пятого дня.

Явившись въ урядъ Луцкаго замка его королевской милости, предо мною Александромъ Сѣмашкомъ на Хупновѣ, каштеляномъ Браславскимъ и старостою Луцкимъ, благородный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, Дубенскій урядникъ князя, его милости, пана воеводы Кіевскаго, объявилъ слѣдующими словами: »Въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣльникъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло неизвѣстнаго убитаго челоуька, въ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ; и не извѣстно, былъ ли этотъ челоуькъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и привезенъ въ Дубно, или кто нибудь убилъ его въ этомъ городѣ. Я, согласно съ правомъ посполитымъ, три раза собиралъ громаду, въ томъ же городѣ Дубнѣ, изъ мѣщанъ и

бѣгомъ, на улицы Швецкой, мещане Дубенскіе нашли тѣло чловѣка забитого, незнакомаго, котораго не ведати, если, гдѣ индей хтось забивши, подвезъ, аболи тежъ хто тутъ въ мѣстѣ забилъ. На што дей я, заховуючися водъле права посполитаго, мещанъ и предъмещанъ Дубенскихъ, по три разы громаду, тамъ же въ мѣстѣ, чинилъ, на которыхъ всихъ троухъ громадахъ, ни хто не позналъ, хто и откуль той чловѣкъ былъ. И о томъ мужобойцы, не могучисе припытать, на гъретей остатней гъромаде, всказалемъ дей имъ всимъ присягнуть; якожъ дей и присягнули на томъ мужобойцы, отъ него се стало, межи собою не ведають, и не суть причинцами сами того мужобойства, а ни его знають, откуль и кто былъ.» И кгда то на вряде панъ Былчинскій оповедалъ, то кгда заразомъ тогожь року, мѣсяца и дня звышъименованнаго, по-

---

предъмещанъ Дубенскихъ, а также изъ сель околичныхъ Дубенскихъ. На всѣхъ этихъ трехъ громадахъ никто не узналъ, кто былъ убитый, и откуда. И такъ какъ я не могъ допытаться, кто былъ убійца, то, на послѣдней, третьей громадѣ, приказалъ присягнуть всѣмъ вышеозначеннымъ людямъ, которые присягнули въ томъ, что они не знаютъ между собою убійцы, что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ кто онъ, и откуда». И когда панъ Былчинскій объявилъ это въ урядѣ, то, тотъ же часъ, въ томъ же году, вышеозначеннаго мѣсяца и числа, явившись лично предо мною Янъ Валевскій, Генеральный возный воеводства Волынскаго, донесъ соѣдующее: »Былъ я приглашенъ на слѣдствіе, паномъ Петромъ Сметанковичемъ Былчинскимъ, урядникомъ Дубенскимъ, въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Юля, двадцать втораго дня, а при мнѣ была шляхта, сторонніе люди.

становившия обличне передо мною, Янъ Валевскій, возный евераль воеводства Волынскаго, созналъ тыми словами: «ижъ дей, будучи мне взятымъ на справу отъ пана Петра Сметанковича Былчинскаго, урядника Дубенскаго, въ року теперъ идучомъ девять десятъ шостомъ, мѣсяца Іюля двадцать второго дня, а маючи я при себе сторону шляхту, былъ еси въ мѣстѣ Дубне и видѣлъ еси чоловѣка на смерть забитого, лежачого, на марахъ, посередѣ рынку Дубенскаго, противъ церкви Святого Микола. Тамъ же мещане и предъмещане Дубенскіе и зъ сель околичныхъ Дубенскихъ подданые были на громаду зобраные. И оповѣдалъ передо мною вознымъ панъ Былчинскій, ижъ дей, дня сегоднешнего, въ понедѣлокъ, рано на свитанью, мещане Дубенскіе нашли того чоловѣка, на смерть забитого, въ мѣстѣ тутошнимъ Дубенскомъ, на улицы Швецкой. Тыжежъ мещане и вся громада

Прибывъ въ городъ Дубно, я видѣлъ чоловѣка убитаго на смерть, лежащаго на носилкахъ, посреди рынка Дубенскаго, противъ церкви Святого Николы. Тутъ же были собраны на громаду мѣщане и предъмѣщане Дубенскіе и крестьяне изъ сель околичныхъ Дубенскихъ. И объявилъ предо мною вознымъ панъ Былчинскій, что сего дня, въ понедѣльникъ, утромъ на разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли этого чоловѣка, убитаго на смерть, въ здѣшнемъ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ. Мѣщане Дубенскіе и вся громада объявляли и показывали мнѣ раны на тѣлѣ убитаго: голова и все лицо избиты, такъ что едва можно узнать, что челевѣкъ былъ; а на затылѣ двѣ раны, нанесенныя, вѣроятно, сѣкиркою, и все тѣло синее, избитое. И сказали мнѣ мѣщане и вся громада: Мы де этого чоловѣка не знаемъ, и не вѣдаемъ, откуда онъ, и кто его убилъ: не знаемъ также, не былъ ли онъ убить

оповедали и оказовали мнѣ на томъ тѣлѣ раны, то есть голова и тварь вся збита, ледво звать, что человекъ былъ, и въ тылъ головы двѣ раны, звать сокиркою тятые, и все тѣло сине побито, котораго дей человека незнаемо, ни ведаемо, откуль былъ, и кто его забилъ, аболи тежъ неведаемо, если его откуль ивудъ забитого не подвезено и тутъ покинено. Потомъ панъ Былчинскій, тымъ же мещаномъ, и предъмещаномъ, и селамъ околичнымъ, на громаду другую зыйтысе, для лепшого выведеня и опыту, приказалъ, на день двадцать четвертый, мѣсяца Юля въ року теперешнемъ девять десять шостомъ, на тоежъ мѣстце, на рынокъ Дубенскій, и того человека забитого тамъже вынести казалъ, и выведыванье на той громаде, межи тыми всеми подданными, водлугъ права, передо мною чинилъ, якобы се могъ довидать, хто его забилъ, кто и откуль

гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подвезенъ въ нашъ городъ и здѣсь покинуть. Потомъ панъ Былчинскій приказалъ тѣмъ же мѣщанамъ, предъмѣщанамъ и селамъ околичнымъ, для лучшаго изслѣдованія и распроса, сойтись на вторую громаду, на тоже мѣсто, на рынокъ Дубенскій, нынѣшняго девяносто шестаго года, мѣсяца Юля, двадцать четвертаго дня. На этой громадѣ, панъ Былчинскій, приказавъ вынести убитаго на тоже мѣсто дѣлалъ, въ моемъ присутствіи, распросъ между всѣми означенными выше людьми, стараясь вывѣдать, кто и откуда былъ убитый, и кто его убилъ. Но никто изъ нихъ не отозвался, кто бы убитаго зналъ, или вѣдалъ, откуда онъ былъ. Не могли также довѣдаться и объ убійцѣ, а также и о томъ, не былъ ли убитый привезенъ изъ какого нибудь другаго мѣста. За тѣмъ, панъ Былчинскій, подъ страхомъ наказанія, въ правѣ посполитомъ назначеннаго, приказалъ еще разъ со-

быль. Нижи никто не отозвалсе, абы его мочь звать и ведать, откуль былъ. Также и о томъ мужобойцы, хто его забилъ, або откуль если бы подвеземъ забитый былъ, доведати се не могли. За чимъ панъ Былчинскій, подъ виною, въ праве посполитомъ описаною, тымже мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ, што и перво были, то есть: селу Ранчину, селу Погорельцомъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Вознесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ, на тоужь мѣне на рынокъ Дубенскій, противъ церкви Святого Микола, на громаду казалъ, зложивши имъ рокъ на день соботній, тогожъ мѣсяца Юля, двадцать шестого дня. Кгды оные вси, такъ яко и перво, на громаду зшедшисе, при томъ тѣлѣ, которое было до нихъ третій разъ вынесено, выведанье водле права, хто его забилъ, и откуль, той человекъ былъ, чинили; а панъ Былчинскій,

---

браться на громаду, на томъ же мѣстѣ, на рынкѣ Дубенскомъ, противъ церкви Св. Николы, тѣмъ же мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ; которыя и прежде собирались, а именно: Селу Ранчину, селу Погорѣльцамъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Вознесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ. Срогъ для этого назначенъ въ субботу, того же мѣсяца Юля двадцать шестаго дня. И когда всѣ, какъ и въ первый разъ, сошлись на громаду, при трупѣ, который былъ въ третій разъ вынесенъ къ нимъ, то дѣлали, согласно съ правомъ, распросъ, допытываясь, откуда былъ убитый, и кто его убилъ. А панъ Былчинскій, какъ урядникъ тамониній, еще особо объ этомъ спрашивалъ. Когда и на этой третьей, послѣдней громадѣ, сходатаи ничего между собою о томъ убитомъ человекѣ не допытались, тогда панъ Былчинскій, поступая согласно съ правомъ, опредѣлилъ декретомъ

яко врядь тамошній, межи ними особливе се о томъ пыталъ. А вгды, и на той третей, остатней громаде, о томъ человекѹ забитомъ межи собою не допытали, тогда имъ всимъ панъ Былчинскій, водле права, декретомъ своимъ наказалъ присягу, яко его не знали, о мужобойцы межи собою не ведаютъ, и ниякто зъ нихъ причиною того мужобойства не есть, которую присягу каждый зъ нихъ передо мною вознимъ, при теле забитого, передъ церковью Святого Микола, за выданемъ роты, водлугъ декрету вышъменованого, учинили. Што мною вознимъ а стороною панъ Былчинскій освѣтъчивши, тое тѣло на цвиньтару у костела римского, въ мѣстѣ Дубенскомъ, похонати казалъ. По котромъ оповѣданіи своемъ и при свиданіи возного, просилъ панъ Былчинскій, абы то было до книгъ записано; штомъ я записати казалъ.

своимъ, чтобы всѣ вышеозначенные люди присягнули въ томъ, что они убитаго не знали, убійцы между собою не ведаютъ, и что никто изъ нихъ не былъ виновникомъ убійства. Таковую присягу каждый изъ нихъ, на основаніи вышеозначеннаго декрета, по выданной формѣ, учинилъ передо мною вознимъ, при трупѣ, предъ церковью Св. Микола. Засвидѣтельствовавъ все это мною вознимъ и сторонними людьми, панъ Былчинскій приказалъ похоронить трупъ на кладбищѣ у католическаго костела, въ городѣ Дубнѣ. Послѣ такого объявленія, подтвержденнаго донесеніемъ возного, просилъ панъ Былчинскій, чтобы это объявленіе записано было въ книги; и я записать приказалъ.

(Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 588).

V.

Копный судъ о покражѣ меду изъ борти и о сожженіи бортнаго дерева. 1608 Мая 15.

Року тысяча шесть сотъ осьмаго, мѣсяца Мая пятоговадцать дня.

На вряде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною Томашемъ Козиковскимъ, буръграбимъ и намѣстникомъ подстароства Володимерского, постановившисе обличне подданный Его королевской милости Стеферицкій Федоръ войтъ, Кратлицена присяжникъ, Лучка Панасеня присяжникъ, Олешко Дещеня присяжникъ, Юсько Ярмаковичъ присяжникъ, а подданные его милости пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Володимерскаго зъ Овлучима: Яцко

V.

Тысяча шестьсотъ восьмаго года, Мая пятнадцатаго дня Въ урядѣ гродскомъ, въ замѣъ его королевской милости Владимірскомъ, являлись лично, предо мною, Томашемъ Козиковскимъ, бургграфомъ и намѣстникомъ подстароства Владимірскаго, крестьянинъ его королевской милости Федоръ Стеферицкій войтъ, присяжный Кратлицена, прасяжный Лучка Панасеня, присяжный Юшко Ярмаковичъ, а съ ними крестьяне его милости, пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Владимірскаго изъ Овлучима: Яцко Бортникъ, Федоръ Бутковичъ и крестьянинъ пана Ивана Овлучимскаго изъ Овлучима, Янео Бортникъ, также крестьяне пана Фридриха подсудка Хелмскаго, изъ Великой Вербы и изъ Руды: Яско Попковичъ, Иванъ Гриценя, Совтунъ Соченя, Симонъ Юськовичъ, сами отъ себя и отъ всѣхъ другихъ сосѣдей своихъ, бывшихъ на правѣ воп-

бортникъ, Федоръ Бутковичъ, а подданный пана Ивана Овлучимскаго зъ Овлучима Янко бортникъ, а подданные пана Фридриха, подеудка Хельмъскаго, зъ великое Вербое и зъ Руды: Ясько Попковичъ, Иванъ Грицсця, Совтуъ Саченя, Симонъ Юсковичъ, сами отъ себе и отъ всихъ иншихъ сусѣдовъ своихъ, на правѣ копномъ будучихъ, и при нихъ возные енеральные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, ку записаню до книгъ кродскихъ, вызнали тыми словами: »Ижъ въ року теперь идучомъ, тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля двадцатаго дня, будучи намъ везванымъ на копу, отъ ее милости панее Магдалены зъ Овлучима Абрамовое Пузовской, на мѣстцѣ певное, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ, и кгда съми тамъ въ бору Пузовскомъ, на той копе засели, теды ее милость пани Абрамовая Пузовская, передъ нами и

номъ. А при нихъ были генеральные возные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій. Вышепоименованныя лица объявили, для записанія въ гродскія книги, слѣдующее: »Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Априля, двадцатаго дня, были мы позваны на копу, отъ ее милости, пани Магдалины изъ Овлучима Аврамовой Пузовской, на назначенное мѣсто, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ. И когда мы тамъ, въ бору Пузовскомъ, засѣли на копѣ, то ея милость, пани Аврамовая Пузовская, предъ нами и въ присутствіи ихъ милостей пановъ шляхты: Павла Пузовскаго, Максима Лудовича, Яна и Шимана Вербскихъ, и въ присутствіи всѣхъ крестьянъ ихъ, жаловалась слѣдующими словами: »Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Априля, втораго дня, причиненъ мнѣ вредъ: подрублена сосна бортная, восемь лѣтъ нелаженная; медъ выбранъ, а сосна сожжена«.

при бытности ихъ милости пановъ шехты: пана Павла Пузовскаго, Пана Максима Лудовица, пана Яна и пана Шимана Вербоухъ, и всихъ подданныхъ ихъ, жадала въ тѣе слова: »Ижъ въ рову теперещемъ тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля, второго днѣ, стала мы се въ бору шкода: недрубаца еседу бортуую, отъ осьми лѣтъ неподглядану, и съ тое сосны медь выбрано, и есену сналено«. И въ той шкоде своей дала цину паней Васильевой Вербокой, и пану Семону Русальскому, и пану Мартину Андрузскому, и пану Павлу Дахновичи. И пресидла часть, абыхмо, съ повинности нашею, до пановъ Вербокихъ послали, уцѣпцаючи ихъ, абы они сами, зо всѣми подданными своими зъ Вербое и зъ Вохновичъ, передъ нами на конце стали и въ тое шкоде паней Пузовское справу о себе

Въ этомъ поступкѣ она обвиняла панью Васильевую Вербокую, пана Семона Русальскаго, пана Мартина Андрузскаго, и пана Павла Дахновича, и просила часть, чтобы мы, по своей обязанности, послали къ панамъ Вербокимъ, и пригласили ихъ явиться предъ нами на копу со всѣми крестьянами изъ Вербое и изъ Вохновичъ, для оправданія въ означенномъ выше обвиненіи. Мы посылали къ обвиняемымъ съ повѣсткою поименованныхъ выше возныхъ. Но такъ какъ паны Вербоки сами передъ нами на копѣ, на мѣстѣ преступленія, не явились, крестьянъ своихъ не представили и никакого отъ себя не дали ни отвѣта, ни извѣстія; то мы, не окончивая этого дѣла, для лучшаго распраса и изслѣдованія, отложили до другой копы, то есть, до двадцать седьмага днѣ, того же Априля мѣсяца. И когда настала этотъ срокъ, то всѣ мы, вышеозначенныя лица, засѣвъ на прежнемъ мѣстѣ, на копѣ, посылали, по просьбѣ паней Аврамодей Пузовской, тѣхъ же возныхъ, въ

дали. До которыхъ мы возныхъ вышеупомянутыхъ, упоминаючи, посылали. А ижъ предреченные панове Вербекиѣ, на томъ же местцу, где се шкода стала, ани сами передъ нами на копе не стали, ани поданныхъ своихъ не поставили, и жадное вѣдомости и справы о себе не дали; теде мы, не коньчечи тов справы, одложили съемо оную, для лепшого опыту и вѣвѣдованія, до другое копы, то есть, до дня двадцать семого, месяца тогожь Априля. А вгды тотъ рочъ приналъ, теде мы всѣ, особы вышеупомянутыя, на томъ местцу, на той копе, заседши, за домовеннемъ се паней Абрамовое Пузовское, посылали съемо тыхъ же возныхъ перво поместившихъ до Вербее и Вохновичъ, до панее Василеное Вербское, до тыхъ пановъ вышеупомянутыхъ, абыхмо, съ певдичности своей, упоминаючи, абы они сами передъ нами на той копе стали и поданныхъ своихъ велхъ ставили. А ижъ они, яко червей, тамъ и по-

---

Вербее и Вохновичи, въ паньи Василевоѣ Вербекоѣ и въ вышеупомянутымъ панамъ, напомяная, по своей обязанности, чтобъ они сами явились предъ нами на копѣ и всѣхъ крестьянъ своихъ представили. Но они, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, и сами не явились предъ нами, и крестьянъ своихъ не представили. Поэтому мы, не окончивая дѣла для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до третьей копы, то есть, до будущей пятницы, до четвертаго числа Мая мѣсяца. И когда этотъ срокъ назначенный для третьей копы, насталъ, то всѣ мы, вышеупомянутыя лица, судьи копные, за съѣвъ на этой копѣ, по пресѣбѣ паньи Абрамовой Пузовской, посылали въ третій разъ тѣхъ же возныхъ, въ Вербее и Вохновичи, въ вышеупомянутымъ панамъ Вербскимъ, напомяная имъ, чтобъ они сами явились предъ нами и крестьянъ

томъ другій разъ, передъ нами яко не стали и подданныхъ своихъ не ставили, теды мы, яко и первей, не кончили тое sprawy, оную, для меншого опыту и выведованя, еще отложили есмо до третіе кошы, то есть, до пятницы пришлое, до дня четвертого Мая. А вгды тотъ рокъ, той копе назначенный, припалъ, и мы всѣ особы звышменованные, судьи копные, тамъ же на томъ местцу, где се шкода стала, на той копе засевши, за домовеннемъ се панее Аврамовое Пузовское, третій разъ посылали есмо тыхъ же возныхъ звышменованыхъ до Вербое и Вохновичъ, до впродъреченныхъ пановъ Вербскихъ, упоминаючи ихъ, абы они сами передъ нами на копе стали и подданныхъ своихъ поставили. А ижъ они за першимъ другимъ и третимъ посыланемъ и упоминаемъ нашимъ, передъ нами сами не стали, и подданныхъ своихъ не становили, и жадное вѣдомости и sprawy о себе не дали, теды мы всѣ, судьи

своихъ представили. Но они, какъ послѣ перваго и втораго, такъ и послѣ третьяго посланія и напоминанія нашего, и сами предъ нами не явились; и крестьянъ своихъ не представили, и никакого отвѣта и свѣдѣнія о себѣ не дали. Тогда мы всѣ, судьи копные, которыхъ было около полутораста человекъ, поступая по обычаю права нашего копнаго, видя упорное непослушаніе поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ и крестьянъ ихъ, засвидѣтельствовавъ все это возными и бывшею при насъ шляхтою, опредѣлили декретомъ своимъ взыскать удовлетвореніе, за весь вредъ, причиненный паньи Аврамовой Пузовской. съ поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ, съ нихъ самихъ и съ крестьянъ ихъ Вербскихъ. Мы нашли также и знакъ на бортовой соснѣ, на колодѣ, клеймо паньи Федоровой Пузовской, а на этомъ клеймѣ—клеймо паньи

копные, которыхъ насъ было о пультраста, захо-
вующися въ томъ водлугъ звычайу права нашего
копного, бачечи упоръ непослушенства впродѣре-
ченныхъ пановъ Вербскихъ и подданныхъ ихъ Верб-
скихъ, осветчивши то все возными вышменованными
и шляхтою, при насъ будучою, декретомъ нашимъ,
тѹю всю шкodu панее Абрамовое Пузовское до
впродѣречонныхъ пановъ Вербскихъ, и самихъ, и
подданныхъ ихъ Вербскихъ, приложили есѹмо. Якъ
же и знакъ на той сосне на колоде, клеймо панее
Федоровое Пузовское, а въ немъ клеймо панее Аб-
рамовое Пузовское, презъ бортника панее Василе-
вое Вербское положоное, знашли есѹмо, и оное ты-
ми жъ возными освѣтчили и шляхтою менованою.
Где, тутъ же, очевисто ставши передо мною на
вряде, возные, менованные: Наумъ Кузьминскій и
Стефанъ Ковалевскій, тое право копное въ тые же
слова, яко и сами судьи, сознали: ижъ тамъ, на
томъ местцу, притомъ всемъ, были и по три кротъ
до Вербое и Вохновичъ ездили и всѣхъ пановъ
Вербскихъ, именъ звышменованныхъ, въ домехъ ихъ,
очевисте заставши, упоминали, абы они сами на

Абрамовой Пузовской, наложенное бортникомъ паньи Василь-
евой Вербской, которое клеймо мы засвидѣтельствовали шлях-
тою«. Здѣсь же, явившись лично передо мною, въ урядѣ, воз-
ные: Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, сознали вы-
шеизложенный копный судъ, тѣми же словами, какъ сознавали
и сами копные судьи, то есть, что они на мѣстѣ копнаго су-
да были, при всемъ дѣлопроизводствѣ присутствовали, что три
раза ѣздили въ Вербое и Вохновичи, каждый разъ заставляли
всѣхъ вышепоименованныхъ пановъ Вербскихъ въ домахъ ихъ

коде становились и подданных своих ставили; нижи они, за всеми трома разы, не становились и подданных своих не ставили. Которое жъ то очевидное сознание судей копныхъ и возныхъ иречонныхъ, за принятемъ моимъ, есть до книгъ гродскихъ записано.

и напоминали, чтобъ они сами явились на копѣ, и крестьянъ своихъ представили. Но они, послѣ всѣхъ трехъ напоминаній, на копу не явились и крестьянъ своихъ не представили, Это личное показаніе судей копныхъ и вышепоименованныхъ возныхъ принято мною и записано въ гродскія книги.

Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286.

VI.

Судъ сельской громады о воровствѣ; пытка и смертная казнь. 1622, Декабря 9.

Року тысяча шесть сотъ двадцать второго, месеца Декабря, девятого дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ передо мною Станиславомъ Собанскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нивешними и гродскими старостинскими, ста-

---

VI.

Тысяча шестьсотъ двадцать второго года, мѣсяца Декабря, девятого дня.

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, предо мною Станиславомъ Собанскимъ, буркграфомъ замка Владимірскаго, и предъ книгами нынѣшними

новши очевидно шляхетный Микола Закревскій, возный земскій, енераль воеводства Волинскаго, для записаня до книгъ нынешнихъ вгородскихъ Володимерскихъ явне, ясно и добровольне зозналь и на письме реляцію свою, подалъ тыми словы писаную и такъ ся всебе маючую: — Actum est anno 1622, mense decembri, 8 die, w majątności Nizkieniczach iego mości pana Adama Kysiela, przy bytności urodzonych ich mościów panów: Jana Sembla, Piotra Kałusowskiego, Stephana Więtczyka, tudzis duchowney osobe, oycza Eremei swieszcznika Spaskiego, z majątności iego mości, księdza władyki Włodzimierskiego, Tyszkowicz, y przy poddanych z roznych wsi okolicznych, to iest: Samoyle Bartoszowicza, z gromady Butiatickiej, y przy Fiedku Sięku z gromady Tyczkowickiey, Lewku Rapiachu z gromady Wareskiey, majątności iego mości pana

---

городскими старостинскими, явившись лично шляхетный Николлай Закревскій земскій генеральный возный воеводства Волинскаго, созналь явно, ясно и добровольно, для вписанія въ нынешнія городскія Владимірскія книги, и подалъ на письмѣ свою реляцію, написанную слѣдующими словами и заключающую въ себѣ низеслѣдующее: —»Дѣялося въ 1622-мъ году, Декабря 8-го дня, въ имѣнїи его милости, пана Адама Киселя, Низзеничахъ, въ присутствїи благородныхъ ихъ милостей пановъ, Яна Сембля, Петра Калусовскаго, Стефана Вѣнтчика, также въ присутствїи духовной особы, Спасскаго священника, отца Іеремїи изъ Тышковичъ, имѣнїя его милости владыки Владимірскаго, также въ присутствїи крестьянъ изъ разныхъ селъ околичныхъ, а именно: при Самуилѣ Бартошевичѣ изъ громады Бутятицкой, при Федьбѣ Сенѣ изъ громады Тышковицкой, Левкѣ Репяхѣ, изъ громады Варесвой, изъ имѣнїя пана судьи Львовскаго, и при многихъ иныхъ. Въ это время, по доносу Низзеницкаго крестьянина Николая Щербача, поставленъ былъ на судъ, предъ всею громадою Низзеницкою, по

Sędzięgo Lwowskiego y przy wielu ynnych. Tudziś, przy wszitkiey gromadzie Nizkienickiey, za instigowaniem poddanego Nizkienickiego Mikołaiia Szczerbacza, postanowiony iest do sądu, według zwyczaiu i prawa pospolitego, więzieniem zwyczajnym opatrany, nieiaki Waśko, syn Juriiia Czerewka, tak iako się on być mianował, ze wsi Zawisznia, dobr, do starostwa Sokalskiego nalieżących, s takowym przełożeniem skargi i obwinięcia: iż ten pomieniony człek, przepomniawszy boiazni Bożey, niepomniąc na dobrodzieystwo, którego zażywał pierwiey, służąc teraz instiguiącemu, rosprawiwszy się z nim zwycyaynym sposobem, płacą swoią ukontentowany, czwartego dnia, po odeśćiu z Nizkenicz, w nocy, sposobem złodzieyskim podszedszy, wziół i ukradł u skarżącego się konia w szyrść ciemno myszatego, którego on sobie szacował złotych czterdzieście, z wozem y z chomątem, na podworzu, u tego to instiguiącego, y

---

обычаю и праву посполитому, подь обычнымъ арестомъ, какой-то Васько, сынъ Юрія Черевка, какъ онъ самъ называлъ себя, зъ села Завишня, принадлежащаго въ староству Сובальскому. На него представлена была слѣдующая жалоба и обвинение: «Поименованный человекъ; забывъ страхъ Божій, не помня благодарній, которыми пользовался прежде, служивъ вышеозначенному истцу, рассчитавшись съ нимъ обыкновеннымъ способомъ и получивъ условленную плату, отправился ночью, четвертаго числа, изъ Низкенич, а потомъ, подеравшись воровскимъ способомъ, взялъ и ukradł у истца, на подворьи, коня, шерстью темномышастаго, оцѣниваемаго истцомъ въ сорокъ золотыхъ, съ возомъ и хомутомъ, и съ ураденнымъ конемъ уѣхалъ». Воръ былъ отыскиваемъ вездѣ и застигнуть въ селѣ Голубяхъ, имѣнни вельможнаго его милости пана Станислава Жоравинскаго, кастеляна Белзскаго. Потомъ, по требованію того же истца, воръ былъ выданъ старостою и громадою вышеозначеннаго села. Тамъ же воръ, тотчасъ признался въ своемъ преступленіи, и объявилъ, гдѣ онъ оставилъ и припряталъ коня,

z onym koniem kradzionym uiechał. Który to złodzi, gdy był szukany wszędzie, przycigniony iest w maieństwo wielmożnego iego mości pana Stanisława Żorawińskiego, Kastellana Bielezkiego, we wsi Holubiach. A potym, za requirowaniem tegoż instigującego, od starosty y gromady tameyszey wydany. Który, tam zaraz, do uczynku swego przyznawzy się, o koniu, gdzie go zostawił y przychował wyznał, to iest na Wolce za Sokaliem, wsi należącej do Sokala. Którego to konia ten pomieniony instigujący odszukawszy, takową skargę przełożywszy, oraz złodzieja z licem do sądu stawił, postąpiwszy w tym sobie prawnie, sposobiwszy szlachetnego Mikołaja Zakrzewskiego, generała wojewodstwa Wołyńskiego, y mistrza Jaska z miasta Torczyna, requirował y prosił, aby według zasług swoich y według prawa był osądzony. A przeto, urodzeni ich mości wysz pomienieni, tudzisz pomienieni wysłani z gromad, wespoł z gromadą Nizkienicką, przychiliwszy się do prawa y statutu pisa-

---

именно за Сокалемъ , въ селѣ Вольѣ , принадлежащемъ къ Сокалю. Отыскавъ украденнаго коня, истецъ ставилъ вора на судъ вмѣстѣ съ полицнымъ. Представивъ означенную выше жалобу, сообразно съ законами, пригласивъ генеральнаго вознаго воеводства Волинскаго , шляхетнаго Ниволая Закревскаго и палача Яска, изъ города Торчина ; онъ требовалъ и просилъ, чтобы воръ былъ осужденъ по законамъ , по мѣрѣ его вины. Въ слѣдствіе чего , вышепоименованные ихъ милости , также лица , присланные отъ громадъ, вмѣстѣ съ Низкеницкою громадою , сообразуясь съ обычнымъ правомъ и съ писаннымъ статутомъ , спрашивали вора : признается ли онъ въ преступленіи и въ томъ , что у него найдено полицное? И этотъ обвиненный воръ признался въ преступленіи и въ томъ , что у него найдено полицное. За тѣмъ вышеозначенныя лица опредѣлили декретомъ своимъ , чтобы онъ , какъ заслужилъ , и какъ повелѣваетъ право, былъ казненъ смертію. На основаніи таковаго приговора, онъ отданъ былъ въ руки вышепоименованнаго па-

nego, naprzod pytali: ieśli by się znał do takiego uczynku y lica tego? Który to obwiniony złodzi przyznał się do uczynku y lica tego. A potem dekret swoy ferowali, aby był, tak iako zasłużył, y prawo uczy, na garle karany. I za takowym dekretem oddany iest do rąk wyszpomienionego mistrza na executią, zostawiwszy przy tym wolne instiguiącym, który z inszych wsi przypytowali się do złodzieia tego, probe, ieśliby który chciał, y ieśliby ten złodzi miał przyznać do iakiego uczynku. Niżli, iż żaden nie ynstigował, aby był pociągniony do proby wyznania kradzieży, dalszy podany niebył, za uczynek samey teie, kradzieży zwyszpomienioney, przez mistrza, zwyszpomienionego odniósł, według zasługi swey y prawa opisanego, zapłate y na garle karany iest*. **Што все менованный возный, такъ власне правдиве быти зознавши, просиль, абы тое его очевистое и добровольное зознанье принято и до книгъ записано было; которое есть принято и записано.**

лача на езекуцію. При этомъ людямъ изъ другихъ сель, желавшимъ допросить вора, предоставлено было вольное право, требовать, чтобъ воръ подвергнутъ былъ пытѣѣ, не признается ли онъ еще въ какомъ нибудь преступленіи. Но такъ какъ никто не требовалъ, чтобы воръ, для признанія въ воровствѣ, былъ подвергнутъ пытѣѣ, то онъ и не былъ болѣе подвергаемъ пытѣѣ; но за одну только означенную выше повражу, получилъ отъ вышепоименованнаго палача награду, по своей заслугѣ и согласно съ писаннымъ правомъ: былъ казненъ смертію». Вышепоименованный возный, объявивъ, что все это дѣйствительно такъ происходило, просиль, чтобы его личное и добровольное сознанье было принято и въ книги записано; и оно принято и записано.

Книга гродская Владимірская 1622 года, листь 911, на оборотѣ.